

А. И.
КУПРИН

Избранное

Мыс Гурон

Александр Куприн

Южная ночь

«Public Domain»

1929

Куприн А. И.

Южная ночь / А. И. Куприн — «Public Domain», 1929 — (Мыс Гурон)

«Темнеть начинает уже после шести часов. Море и земля обмениваются воздухом. На минуту мнится, что стало прохладнее. Но, увы, – это ошибка: потянул слабый береговой ветер, точно легкий вздох, точно дуновение дамского веера; потянул и упал... Жарок по-прежнему прибрежный песок; черепица и камень опаляют руки. Сидим в коричневой полутьме на нашей лесенке. Какие-то небольшие птицы летают все кругами, кругами и в одном направлении над нашей хижинкой...»

© Куприн А. И., 1929

© Public Domain, 1929

Александр Иванович Куприн

Южная ночь

Темнеть начинает уже после шести часов. Море и земля обмениваются воздухом. На минуту мнится, что стало прохладнее. Но, увы, – это ошибка: потянул слабый береговой ветер, точно легкий вздох, точно дуновение дамского веера; потянул и упал... Жарок по-прежнему прибрежный песок; черепица и камень опаляют руки. Сидим в коричневой полутьме на нашей лесенке. Какие-то небольшие птицы летают все кругами, кругами и в одном направлении над нашей хижинкой. Местные русские жители уверяют, что это ласточки. Но какие же ласточки? У ласточек хвост раздвоен наподобие фразных фалд, а эти какие-то куцы, точно бесхвостые. Ласточка в хорошую погоду взлетает выше самой высокой колокольни и ныряет вниз, почти до земли, и в стремительном полете своем радостно взвизгивает от наслаждения, а эти молчат и как-то угрюмо кружат и кружат на высоте нашего утлого жилья. Не летучие ли мыши?

Зажглась скромно и затрепетала, задрожала нежным изумрудом скромная далекая звезда, и за нею чинно взошли на небо другие младшие разноцветные звезды. Мирный, торжественный, сладкий час. Но уже там, направо, золотеет небо выше горизонта. Потом оно краснеет. Это шествует пожиратель кротких прекрасных звезд – августовский месяц. Вот он и выкатился весь наружу. Сегодня он находится в полной силе и власти. Лик его безупречно круглый и кроваво-рыжий – бесстыж, как у пьяного палача. Он идет не торопясь, но гигантскими шагами. Скоро он при помощи своих магических чар овладеет всем небом. Робкие, кроткие звездочки теряются, бледнеют от страха и убегают на самый верх неба, где их уже с трудом можно заметить, как острия тончайших серебряных гвоздиков, вбитых во вселенную. Ропот бежит между деревьями, и море глубоко, печально вздыхает, и бесхвостые птички мгновенно скрылись.

Идем в свою будку и раздеваемся без огня, проученные предыдущим опытом. Окно оставляем открытым, иначе умрешь от жары и духоты. А от москитов – все равно – нет никакого спасения, кроме тихой покорности судьбе. Это все вздор, что говорят об антимустикерах, о кисейных, тюлевых и марлевых занавесках, о гвоздичном и лавровом масле и о патентованных мазях в цинковых тюбиках. Для провансальского и ниццкого москита нет ни препятствий, ни заграждений. Он раз в двадцать меньше нашего наивного, глуповатого и – главное – неорганизованного рязанского комара. Но зато во сто раз свирепее его и знает боевую тактику.

Еще задолго до того, как человек вернулся в свою ночную комнату, могучий отряд москитов уже забрался в нее и занял позиции, искусно воспользовавшись каждой щелкой, каждой складочкой, каждым выступом, и хранит осторожную тишину.

Вот человек пришел. Он открыл окно. Он взял за два конца широкую простыню и, бурно хлопая ею, выгоняет воображаемых врагов наружу. Потом он окропляет едучими веществами пол, стены, кровать и свое ночное белье. Москиты хранят молчание, крепко вцепившись в стены своих убежищ. Но человеку еще мало этого. Быстро раздевшись, он зажигает зловонную монашку-курилку и только тогда прыгает в постель и поспешно завертывается в простыню, стараясь замкнуть все отверстия и прозоры. Москиты все еще молчат. Тогда человек с глубоким вздохом облегчения говорит сам себе:

– Ну, слава богу. Нынешняя ночь, кажется, пройдет спокойно!

Как легкомысленны эти странные существа – люди, считающие себя царями мироздания, и как мало чему учит их опыт прошлого!..

Проходят еще три-четыре секунды той грозной тишины, которая бывает перед большими сражениями, и вдруг в темноте раздается тонкий-претонкий, но звонкий и вызывающий, нагло оскорбительный звук боевой трубы москитов. Да. Москиты, конечно, разбойники, мошенники и людоеды, но в их тысячелетних навыках нет коварности, этой дочери трусости, а есть пер-

вобытное геройство, ищущее открытого боя. Так Святослав, в ожидании смертельной битвы, послал сказать врагам: «Иду на вы!» Так средневековый пират перед abordажем подымал свой роковой флаг: на черном поле Адамова голова и под нею две скрещенные кости.

По этому грозному сигналу москиты рассыпаются во всех направлениях. Они то летают зигзагами, то толкуются на месте, то кружатся, точно танцуя, и, по древнему обычаю, осыпают врага жестокой бранью.

– Если ты не трус, то защищайся. Эй! Ты! Гора мяса! – поют они. – Ты так же огромен в сравнении с нами, как в твоих глазах велик Монблан! Но подожди! Сейчас мы будем пировать на твоей туше и вдоволь напьемся твоей горячей, твоей соленой, твоей опьяняющей крови! И ты в ужасе побежишь от нас и погибнешь, если не спасет тебя случай.

Они свирепы и беспощадны, эти маленькие кровопийцы. Они не ведают ни страха, ни утомления. Человек, защищаясь, убивает их десяток за десятком, но на место выбывших раздавленных воинов слетаются новые и новые воздушные эскадры. Удары их шпаг, омоченных в яде, жгут, как каленое железо. И вот человек – Монблан – совершенно теряет и присутствие духа, и свое высокое достоинство. Им овладевает дикая паника. Он неистово щелкает себя по лбу, по щекам, по носу, по шее и по плечам. Весь в поту, он яростно и громко выкрикивает имена всех чертей и дьяволов. Он падает духом и готов расплакаться. Он мечется с боку на бок, и оттого его постель вскоре принимает вид перепутанного непонятного бугра, в котором он сам не умеет разобраться. Он давно уже не может дать себе отчета, где у него правая и где левая сторона, где верх и где низ. Он воистину жалок, этот жалкий Человек, пишущийся с большой буквы, а теперь весь перемазавшийся в своей крови и во внутренностях раздавленных им антропофагов. Он обессилел. Он не может больше защищаться. Он вытягивается на кровати с покорно разбросанными руками. Слезы злобной, но беспомощной обиды текут по его щекам.

Но москитам незнакома жалость. Они не дают пощады ни раненому, ни молящему о помиловании. Они, как пьяные, озверелые солдаты, которым вожди отдали завоеванный город на поток и разграбление; они, как библейские воины, которым отдан страшный приказ: истребить все население враждебного города, «не оставляя в живых даже мочащегося к стене».

Москиты трубят победу. Те из них, которые упились хмельной кровью до того, что разбухли и не могут двинуться с места, кричат товарищам:

– Идите сюда! Человек сдался. Ура! Терзайте, рвите его на части, выпейте из него все его красное вино до последней капли. Пир так пир, ребята!

Обезволенный, бесконечно усталый человек робко думает: «Кто поможет мне? О, если бы чудо!»

И вот совершается чудо. (У судьбы есть все-таки маленькая слабость к человеку.) Месяц, который до сих пор катился между туч и из красного давно уже сделался блестяще-зеркальным, вдруг останавливается против нашего кабана и своим холодным, страшным диском загроживает все окно. В комнате становится светло, как днем. Москиты отступают и прячутся.

Наступает прохлада.